

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

КРЕПОСТНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ПОРЕФОРМЕННОГО ОБЩЕСТВА И УРАВНИТЕЛЬНО-ПЕРЕДЕЛЬНАЯ ОБЩИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

М.А. Давыдов

Институт экономики РАН
Нахимовский пр-т, 32, Москва, Россия, 117218

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, почему пореформенная крестьянская община пользовалась солидарной поддержкой различных и притом враждебных друг другу общественных сил. Автор считает, что в основе этого феномена лежало неизжитое крепостническое сознание российского общества.

Ключевые слова: крестьянская община, крепостное право, российское общество, Великие реформы.

Едва ли важнейшим вопросом, связанным с преобразованиями Александра II, является вопрос о том, почему лишь с конца 1906 г. начала реализоваться концептуальная идея крестьянской реформы – превращение крестьян в собственников своих наделов.

Великие реформы в их гигантском позитивном содержании (которого не поняли и не оценили очень многие современники, не говоря о потомках), решительно отвоевывали для страны у Истории то, что было потеряно Россией раньше и, помимо ликвидации крепостного права, давали то, о чем она и помыслить прежде не могла и что было залогом ее будущего поступательного развития – независимый суд, местное самоуправление, реальную свободу слова, реформы образования, свободу передвижения и многое другое, что с течением времени должно было преобразить Империю.

Значительное позитивное влияние Великих реформ на развитие России оспаривать невозможно.

Вместе с тем очевидно, что страна могла достичь большего, причем не только в экономике, где успехи выражаются преимущественно в количест-

венных показателях, но и в той сфере, где достижения не всегда можно измерить цифрами, а именно – в величине и качестве человеческого капитала.

И поэтому естественно спросить: почему огромный потенциал преобразований Александра II не был реализован в полной мере, а главное – вовремя?

Напомню, что «в первом же заседании Главного Комитета по рассмотрению работ Редакционных Комиссий было постановлено, «что главная цель, которую Комитет должен постоянно иметь в виду при рассмотрении всех работ Редакционных Комиссий, это – дарование прежде всего помещичьим крестьянам прав свободного состояния». На всеподданнейшей докладной записке по этому предмету Государь Император Александр II собственноручно начертал: «Дай Бог в добрый час»...

Равным образом в последовавшем Высочайшем Манифесте, при коем обнародованы Положения 19 Февраля, указано: «В силу означенных новых Положений, крепостные люди получают в свое время (с окончанием временно-обязанного состояния. – *М.Д.*) полные права свободных сельских обывателей» (1).

Между тем сорок лет спустя реальная жизнь пореформенной деревни являла собой ровно противоположную картину. Ее исчерпывающе описал в 1903 г. А.А. Риттих: «Дабы оценить государственно-экономическое значение зависимости отдельных крестьян от воли мира, необходимо вспомнить, что в 49 губерниях Европейской России (не считая, следовательно, Польши, Кавказа и Области войска Донского), состоит во владении частных лиц 224,8 млн дес., из коих 130,5 млн составляют надельную землю (это суммарная площадь современных Италии, Швейцарии, Бельгии, Франции, Испании и Португалии. – *М.Д.*), а 94,3 млн – собственность дворян, купцов, мещан и крестьян (купленную последними помимо надела). Из 130,5 млн надельной земли 22,2 млн состоит в подворном владении.

Следовательно, на 100 с лишком миллионах десятин отдельные лица хозяйничают, не имея устойчивых прав владения и пользования обрабатываемой землей и завися в этом отношении от мира, который, по признанию Сената, «во всякое данное время» мог изменить размер и местоположение владения; с изданием правил о переделах, мир может производить это через каждые 12 лет, но, как указывалось в своем месте, несообразность правил с действительною жизнью повела к массовым обходам: переверстки продолжают, как и прежде, а в громадном количестве общин даже и коренной передел «может последовать во всякую минуту».

Поэтому на всех 130 млн дес. отдельные хозяева не имеют законных или законно осуществимых прав по распоряжению надельной землей, по обязательственным между собою отношениям по этой земле и по судебной защите этих имущественных и обязательственных прав. Все зависит от воли общества: нет прав, если не от мира, иначе «их не добыешься».

Но кроме таких постепенно введенных ограничений, придумана еще зависимость от маленькой общины – «рабочего союза», составляющего двор.

Едва ли в таком искусственно созданном положении можно усмотреть выполнение Высочайшей воли, указавшей, что «необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками» (Высочайшее повеление 4 Декабря 1858 г. Главному Комитету по крестьянскому делу)...

Всякая самодеятельность крестьян убита... обручами дворовой и мирской общины, и в этих тисках, если и не задыхается крестьянство, то уже во всяком случае не имеет простора для хозяйственной самодеятельности.

Приведенные данные указывают, что 58% культурной площади Европейской России возделываются при таких условиях, что лица, ведущие хозяйство, не имеют на обрабатываемую землю даже тех прав, которыми пользуются арендаторы... Хозяйственную зависимость от мира нельзя приравнять к закономерным отношениям арендатора и собственника, но с полным основанием можно привести для сравнения зависимость западных крестьян от сеньориальной власти в тяжелые времена феодального права; впрочем, и это сравнение не будет в пользу правового положения наших крестьян.

Лично свободный, но экономически зависимый от феодальной власти, крестьянин имел право пожизненного неотъемлемого владения своим участком земли; такого преимущества не имеет наш крестьянин, владение коего может быть изменено в «каждую данную минуту» миром» (2).

Таким образом, мир обладает правом, которого не имели даже феодальные сеньоры на средневековом Западе, он пользуется одновременно следующими строго феодальными привилегиями, продолжает Риттих и перечисляет их, приводя в подтверждение соответствующие решения и разъяснения Сената:

1. «От мира зависит признать или не признать действительность завещательного распоряжения крестьянина, равно как наследственные права преемника:

– «Местный обычай в порядке наследования может применяться, хотя бы он и противоречил существующему в Зак. Гражд. положительному закону о наследстве»;

– «Порядок наследования у крестьян землями по обычаю исключает возможность располагать ими по духовному завещанию, если таковое противоречит установившемуся по обычаю порядку наследования»;

– «Существование того или другого обычая в порядке наследования в данной местности может быть удостоверено сельским сходом»;

– «Для удостоверения факта бесспорного перехода подворных участков к законным наследникам, согласно местным обычаям, достаточно приговора сельского схода»»;

2. «Мир имеет право узаконить продажу земли, состоящей во владении отдельного крестьянина и сдачу ее в аренду или отказать в том сторонам:

– «Договор, заключенный крестьянином без согласия общества о праве пользования участком земли, входящим в состав мирского надела, – не действителен»;

– “Отдельные крестьяне не могут продавать усадебные участки лицам, к составу сельского общества не принадлежащим, помимо согласия на то со стороны общества». Риттих в своей работе приводит также решения относительно подворных владельцев, «лишающие законной силы обязательственные права крестьян и вынуждающие тем самым испрашивать согласие схода на узаконение сделки”»;

3. «От мира зависит дать или не дать согласие на раздел семьи и тем самым допустить или задержать образование самостоятельной семьи – *droit de formariage*»:

– “Все разделы, совершенные без разрешения схода, должны быть признаваемы самовольными; к семействам, разделившийся без разрешения схода, последний вправе применять меры воздействия, указанные и т.д.”»;

4. «Мир может через полицию вытребовать отсутствующего своего члена.

5. «Мир имеет право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры отдельных крестьян на их надельных участках»:

– “Сельское общество имеет право вмешательства в сельскохозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдельными домохозяевами на их отдельных участках”» (3).

Здесь перечислены основные и наиболее тяжелые для крестьян права феодала, причем некоторые из них наблюдались только во времена их личной зависимости. Когда же она сменилась земельной зависимостью, они постепенно исчезли и заменились либо выкупом за них, либо определенной пошлиной.

Пореформенная уравнильно-передельная община между тем обладала всеми этими привилегиями во всей полноте. Чрезвычайно характерно, что в некоторых случаях мир попытался установить даже произвольное обложение отдельных крестьян, соответствующее «первичному феодальному праву – *taille et corvée à merci*, существовавшему в период личной зависимости (серважа); эти попытки, к счастью, пресечены Сенатом («Сельский сход не вправе налагать на каких-либо отдельных членов общества такие подати и повинности, которые в соразмерной доли не упали бы одинаково на прочих членов общества, почему не могут быть допускаемы различные основания обложения для отдельных членов общества, и приговоры, в нарушение сего постановленные, должны быть признаваемы ничтожными» (4).

При этом, подчеркивает Риттих, «феодальные права учитывались в виде поборов, сперва произвольных, а затем, с прекращением личной зависимости, в виде пошлин, размер коих устанавливается выкупными сделками или определялся обычаем и фиксировался в сборниках кутюмов», а «мир учитывает свои права в первичном порядке, т.е. путем произвольных поборов, а не точно установленных пошлин» (5).

Из вышесказанного делается логичный вывод: «Все это указывает, что имущественная зависимость крестьянина от мира может быть без всяких натяжек приравнена к феодальной зависимости, притом в первичной, наиболее

тягостной ее форме». Автор, опираясь на Н.И. Кареева, замечает, что история Западной Европы «свидетельствует, что феодальная зависимость крестьянской земли была одной из главных причин упадка благосостояния народных масс на Западе, понижения уровня хозяйственной культуры и периодических голодовок» (5).

Подобное положение, находившееся в противоречии с духом и буквой Великих реформ, сложилось потому, что, что воля Александра II, «в точности выполненная Редакционными Комиссиями, указавшими определенные пути к постепенному освобождению крестьян от зависимости помещику и обществу, была непростительно забыта в последующее за освобождением крестьян время и путем “толкований” и циркуляров было все сделано, чтобы обратить “крестьян-собственников” в бесправных арендаторов мирской земли» (7).

Об этом же пишет В.И. Герье: «И разъяснения Сената, и большинство законодательных мер клонились лишь к тому, чтобы закрепить общину. Сенат подтверждал неоднократно право сельского схода на контроль над домохозяевами на том основании, что такой контроль должен был обеспечивать землю от истощения в виду ее возможного перехода в иные руки в случае передела. Право крестьян, согласно 38 ст. Общего Положения, руководствоваться обычаем при наследовании надельной земли, Общее Собрание I, II и гражд. кассац. департаментов (1875 г. Дело крестьян Марковых по Саратовской Судебной Палате) переименовало в обязанность руководствоваться им даже относительно земель купленных... Нерасположение правительства к личной крестьянской собственности видно, из того в особенности, что первый устав Крестьянского банка ограничил выдачу ссуды отдельным домохозяевам на покупку земли 500 руб., ставя его таким образом в невозможность приобретать более 2–3 дес. в личную собственность» (8).

Этот процесс отхода правительства от духа и буквы Великих реформ обстоятельно исследован в «Записке по крестьянскому делу» С.Ю. Витте, во многом основанной на работе Риттиха.

Почему же с середины 1870-х гг. Сенат взял курс на закрепление общинного начала в отечественной деревне? Причин тому немало, но важнейшая из них, как представляется, заключается в неизжитом де-факто крепостническом мышлении большей части образованного, как тогда говорили, класса. Его представители после 1855 г. перестали быть «рабами государевыми» (М.М. Сперанский) и обрели, по сути, тот же правовой статус, что и западноевропейская элита. Разумеется, «европеизацию» собственного положения, обретение гражданских прав в полном объеме образованные русские люди принимали вполне. Вместе с тем их категорически не устраивала аналогичная перспектива в отношении крестьянства.

Воплощением этого крепостнических настроений, как ни парадоксально, на первый взгляд, стало народничество, однако понимаемое в более широком, чем обычно, контексте. К. Зайцев писал: «С удивлением приходится

убедиться в том, что, за исключением отдельных голосов, не имевших непосредственного решающего значения, политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярых революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными соображениями, все восторженно относились к идее какого-то особого русского национального крестьянского права.

Так называемое народничество нельзя представлять, как узкую партийную революционную догму; это было весьма широкое и могучее духовное течение, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность. Обычно считают, и вполне обоснованно, что одна из причин революции – это разрыв между правительством, интеллигенцией и народом. Но нельзя забывать, что аграрная идеология российской интеллигенции, известная как народничество в широком смысле этого слова, на самом деле была просто несколько отполированным вариантом крестьянского правового мировоззрения, в какой-то мере связанного с правительственными мероприятиями и основанного на тексте закона. Таким образом, как раз по тому вопросу, неудачное решение которого свалило и разрушило Россию, правительство, общество и народ были вполне едины» (9).

С этой точки зрения и Александр III, и множество его соратников определенным образом – «народники».

В результате совместных, хотя и не скоординированных усилий постреформенного поколения бюрократии и общества декларированный Александром II переход к общегражданскому строю был искусственно заторможен, и тем самым основополагающая идея Великих реформ ушла в тень. Более того, к концу XIX в. большая часть образованного класса, уровень правосознания которого вообще не слишком вырос за пореформенное время, даже и не осознавала, что целью преобразований была ликвидация сословных перегородок.

В своих воспоминаниях С.Ю. Витте следующим образом очерчивает круг «защитников общины» на рубеже XIX–XX вв.: «Благонамеренные и почтенные “старьевщики”, поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины – теории социализма» (10). Определение это аутентично (хотя и высказано не совсем академично).

Что же объединяло славянофилов, бюрократов из МВД, революционеров и российских как бы «социалистов кафедр»?

Злейшие враги могут и любить одну женщину, и болеть за одну футбольную команду. Это естественно и лишь характеризует причудливость жизни.

Но если сугубо враждебные друг другу общественные силы, прямо нацеленные на уничтожение друг друга, солидарно ратуют за сохранение од-

ного и того же института, играющего в жизни государства огромную роль, то здесь не просто недоразумение. Это значит, что в данном институте есть нечто такое, что ценно для всех сторон.

Что же так привлекало в общине ее защитников? То, что она была основана на принуждении миллионов людей к сохранению отсталой минималистской схемы общежития, дававшей широчайшие возможности для управления этими людьми.

С некоторым упрощением можно утверждать следующее. Целью народников был социализм в России, главной задачей их на этом пути – уничтожение «ненавистного режима». Община для них имела «великое социальное значение», будучи «зародышем» нового социального строя. А российский народ должен был играть здесь роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, насколько удобна была для этого уравнилельно-передельная община. Для правительственного лагеря, для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг. При этом за общину ратовали и те, кто считался умеренными либералами и выступал за «правовой порядок».

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения». Между тем сближение было совсем не странным. Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий, безусловно, лежало стремление так или иначе управлять 100 млн крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «народолюбивая интеллигенция», вторые – земские начальники – чиновники МВД, а третьи – земство. И – по большому счету – конкурировали они прежде всего за своего рода «мандаринат», за «кормовую площадь», *стиль*, каковой им представлялась русская деревня – не важно под какими лозунгами!

Поэтому контрреформы Александра III в аграрной сфере в очень многом были реализацией требований левых, вполне совпадавших с точкой зрения тех, кто принимал решения в правительстве. Так или иначе, но власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т.е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая – и не только! – интеллигенция – фактическую отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Важным нюансом было то, что «охранители» хотя бы думали о стране, как они это понимали. А левые и «либералы» хотели превращения России в «богадельню», что позволило бы им заменить нынешнюю элиту.

Выдающийся русский экономист и юрист П.П. Дюшен (он писал под псевдонимом П.Д.), не считавший нужным скрывать своего «глубокого отвращения к тюрьме, в которой сидит русский народ», т.е. к общине, охарак-

теризовал этот феномен российской жизни едва ли не исчерпывающим образом: «Защищают крепостную общину и консервативнейшие органы печати и самые либеральные».

Для охранительной печати наше общинное землевладение и связанные с ним общинные порядки ценны, как живые остатки крепостного времени. Идеалы нашей охранительной печати, несомненно, принадлежат к этому... времени. Защищать консервативные элементы общества и государства – весьма почтенное занятие; но в данном случае защита крепостной общины играет прямо в руку самых ярых врагов не только русского, но всякого государственного порядка.

Труднее себе объяснить симпатии к общине со стороны либеральной печати... Так называемая “умеренная” либеральная печать всегда выставляла на своем знамени требование “правового порядка”; но что есть общего между правовым порядком и анархией нашей деревни?

...Нельзя обратить нашу крепостную общину... в социальную ячейку будущего социального порядка.

Крепостная община имеет, конечно, одну общую черту с социализмом – принуждение, но это еще не резон. Крепостная община основана на понятии о тягле, и если она принуждает крестьян производить переделы, то посредством переверстки имеет в виду уравнивать повинность и вообще платежи. Социализм же желает основать принудительное уравнивание имущества граждан на мнимом праве каждого члена общины получить соответствующий его потребностям надел. Ученые социалисты верят, что крепостная община способна к такой эволюции; однако внимательный читатель нашего исследования вероятно уже убедился в противном.

Во-вторых, причина сочувствия нашего интеллигентного общества к крепостной общине заключается в традициях крепостного права...

Все охранительные меры нашего правительства, несомненно имевшие характер опеки над крестьянским землевладением и хозяйством, были приветствованы полным одобрением, как со стороны самых консервативных, так и самых либеральных органов печати.

Когда правительство отменяло 165 ст. Пол. о выкупе, узаконило неотчуждаемость крестьянских наделов, рассрочку выкупных платежей и проч., ни один орган наших либералов даже слова не выронил о правах крестьян. Защищая постоянно реформы великого царствования Государя Александра II, либеральная печать ответила на явное уклонение от принципов, установленных первой и самой грандиозной реформой освободительной эпохи, или молчанием, или даже прямым сочувствием.

Это странное явление только тем и объясняется, что мы так привыкли смотреть на крестьянский народ как на объект нашей просвещенной опеки, что никак не можем освоиться с иным взглядом» (11).

С Дюшеном вполне солидарен Б.Н. Чичерин. Так, комментируя мнения губернских совещаний по вопросу пересмотра законодательства о крестья-

нах, Чичерин, в частности, пишет: «Самые воззрения на крестьянство, выражающиеся в ответах, частью под влиянием новейшего законодательства, отзываются понятиями дореформенного времени...

Наделяя крестьян землю, они (реформаторы 1861 г. – М.Д.) не думали сделать из нее неотъемлемую принадлежность крестьянского сословия. Напротив, положение вполне допускало свободное передвижение собственности и смешение сословий.

Новейшее законодательство, напротив, а с ним вместе и общественное настроение, выражающееся в ответах совещаний, возвращаются к дореформенному взгляду. На крестьян опять смотрят, как на сословие, призванное отбывать повинности, с каковою целью оно обеспечивается землею. Воспрещается всякое отчуждение ее в сторонние руки. Стараются положить предел вторжению в крестьянскую среду каких бы то ни было сторонних элементов.

Крестьянство закупоривается в общину, всякое веяние свежего воздуха заботливо от него отдалается. С тем вместе личные права, дарованные Положением 19 февраля, стесняются или уничтожаются. Лицо всецело отдается в жертву мелкому союзу, к которому хотят его прикрепить. При таком взгляде, очевидно, ни о каком выяснении или утверждении права не может быть речи. Он представляет шаг назад к эпохе крепостного состояния...

Устанавливая выкуп наделов, оно (Положение 19 февраля 1861 г. – М.Д.) весьма далеко было от чудовищной мысли, что человека можно заставить покупать землю не для себя, а для других...

Идеал... который прямо высказывается в совещаниях, состоит в том, чтобы все были уравнены. Что такого рода цели могут ставить себе люди, разделяющие социалистические взгляды, это естественно и последовательно. Но трудно понять, каким образом могут держаться этих начал те, которые дорожат свободой и гражданственностью.

Это можно объяснить разве тем, что на крестьян все еще смотрят, как на людей особой породы, которых назначение состоит в отбывании повинностей и над которыми можно делать всякого рода эксперименты» (12).

Все сказанное понимали и крестьяне, что подтвердило обсуждение в III Государственной Думе указа 9 ноября о выходе из общины (13). Когда С.Т. Семенова, крестьянского писателя-самородка, осмелившегося в своей повести «Односельцы» (1914 г.) вопреки мнению «всего русского образованного общества», «всех его передовых политических направлений», утверждать, что «лучшие силы деревенского мира тянут к формам единоличного труда и отдают явное предпочтение таким формам перед общинными», на него набросились «народолюбцы» с обвинениями в «сознательном искажении жизненной правды», в «реакционном направлении», в незнании деревни и т.п., подтверждая это «целым рядом выдержек из газетных сообщений и из ответов на анкеты статистиков и своими собственными рассуждениями» (14).

Однако Семенов умел вести полемику на весьма высоком уровне. Он отвечал так: «А между тем односторонностью понимания деревенского мира страдают, главным образом, народные благожелатели из образованных классов. Как ни благожелательно они настроены к трудовому народу, но очевидно этот народ представляется им все-таки ничем иным, как только объектом заботливого попечения о его судьбе, и они не считают возможным, чтобы этот народ мог выйти на широкий и свободный жизненный путь без их просвещенного руководства.

А руководство массами может быть легко осуществлено только тогда, когда для этих масс будут сохранены такие формы жизни, которые держали бы эти массы в большой готовой толпе.

Крестьянская община и есть такая форма.

Переход к лучшему будущему (т.е. к социализму, в терминологии «народных благожелателей». – *М.Д.*) неизбежен. И вот, для подготовки к такому переходу деревенский нераздельный мир облегчит возможность организовать из народных масс нужные силы, а по окончании борьбы при установлении нового строя не нужно будет придумывать новых форм трудовой жизни, а нужно воспользоваться готовыми старыми ячейками, имеющими в себе зачатки социалистического порядка пользования благами природы и взаимных отношений.

И возлагая на деревенскую общину такие прекрасные надежды и лелея эти надежды десятки лет, представители образованного класса, конечно, не могут спокойно относиться к тому, что в самых недрах народной жизни зародился и вырос на сельскую общину совершенно иной взгляд.

Они легко позволяют себе обвинить представителя крестьянского мира, разошедшегося с ними в отношении к общине, – в излишне эгоистических наклонностях, в стремлении к «буржуазному благополучию, и готовы поставить его на одну доску с деревенскими кулаками, расхищающими мирское достояние – землю.

Кидают такие обвинения сторонникам новых земельных порядков представители образованного класса с большой легкостью...

Везде интеллигенция проповедует свободу, а вот когда начинающее думать крестьянство... потянулось к избавлению себя... от душившей их опеки темного, невежественного и в силу своего невежества неспособного к разумной общественности большинства мира, – эта же интеллигенция запротестовала против такого самоосвобождения, и объявила им свою немилость» (15).

Как можно видеть, Семенов с легкостью диагностирует крепостнические мотивы интеллигенции, желающей сохранить «деревенский нераздельный мир» как средство держать «массы в большой готовой толпе», воспользоваться им сначала в борьбе за власть (для того она и натравливала крестьян на помещиков), а потом – «при установлении нового строя», в котором интеллигенция будет блюсти распределительную справедливость, использо-

вать его как «готовую старую ячейку, имеющую в себе зачатки социалистического порядка».

Историография не дает ответа на вопрос о причинах быстрого распространения социалистических идей в пореформенной России, захватившего все слои общества, и – в огромной степени – дворянство. Специально подчеркнем, что речь идет не о «платонических, а потому и безобидных петрашевцах» (16) (К.Ф. Головин), а о тех, кого «воспитали» Герцен и Чернышевский. Имеющиеся объяснения этого феномена не во всем кажутся удовлетворительными.

Между тем одним из мощных факторов здесь был тот, что для тысяч умеющих читать жителей России социализм стал формой компенсации их крепостнического в своей основе сознания. Это сознание были лишь слегка трансформировано, закамуфлировано либо красивыми сказками об утопии, либо охранительными декларациями об устоях отечественной самобытности. Ведь суть социализма – принуждение и насилие над человеческой природой, чем бы они не декорировались, – практически совпадала по форме и по содержанию – с крепостным правом, стержнем которого была уравнительно-передельная община.

И это неудивительно – люди, выросшие в атмосфере патерналистского режима, воспитанные в обществе, в котором отсутствовало то, что П.П. Дюшен называл «чувством и идеей правомерности» (17), были способны мыслить только в категориях патернализма (исключения, конечно, случались).

Деспотический режим формирует у подданных вне зависимости от социального статуса и материального положения сознание, которое я склонен назвать крепостническим. Такое мирозерцание не представляет окружающую деятельность как мир, где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства» (18) (С.Р. Воронцов) Носители подобного сознания осмысливают действительность в таких категориях, как безоговорочное «господство/подчинение», как «рабовладелец/раб» и т.п. Они непременно должны кем-то управлять, руководить, командовать. Поэтому социализм удивительно комфортно укладывался в такие коренные особенности психологии и мышления российского дворянства, не говоря о разночинцах, как крайне низкий уровень правосознания, восприятие низших классов как, цитируя С.Ю. Витте, чего-то среднего между людьми и скотом, как «полудетей», «которых следует опекать», которыми нужно руководить и т.д. (19).

Кроме того, подобно тому, как на Западе, где после 1848 г. появились различные виды социализма, – так и в России кроме социализмов народнического и марксистского, был земский, но был и бюрократический (или по аналогии с «социализмом кафедры», – «социализм департамента»).

В историографическом сообществе пока недостаточно осознается степень распространения социалистических идей в российском пореформенном обществе. Круг их приверженцев отнюдь не ограничивался теми, с кем мы

традиционно их связываем. Соответственно, мы не понимаем, насколько сильно политика правительства в конце XIX – начале XX в. была пронизана социалистическими идеями. Те, кто бегал по Невскому на демонстрациях в начале 1860-х гг., к середине 1870-х гг. были уже не последними людьми в правительственных канцеляриях, и получили возможность влиять на материализацию излюбленных идей юности.

Социалистические идеи, безусловно, затронули часть российской бюрократии. Это соответствовало духу времени. К.Ф. Головин, описывая эволюцию социализма во второй половине XIX в. после 1848 г., говорит: «Образовался целый ряд мирных, не революционных социализмов – католический, попросту христианский, государственный, и даже консервативный, и целая школа экономистов, все растущая в численности, отбросила, как негодный, самый принцип экономической свободы, требуя законодательного вмешательства для обширной области гражданских сделок, обнимающей собою все виды личного найма, биржевую спекуляцию и образование акционерных обществ и товариществ на вере...»

Таким образом, одно из коренных начал либерального движения XVIII в. – экономическая свобода, стремление довести до минимума воздействие государства на частную жизнь, было выброшено за борт, как нечто совершенно противоречащее основной цели всякого общественного союза – доставить его членам возможно большую степень благосостояния.

...И за весьма немногими исключениями... все выдающиеся экономисты с начала 70-х годов в большей или меньшей степени либо признают необходимость государственного вмешательства, и в законодательном и в административном смысле... либо силятся воздействовать на общество, помимо законодательного понуждения, дабы возбудить в нем сознание в необходимости имущественной охраны слабого и общественной солидарности как обязательного нравственного принципа. Замечательно, что в этом течении сходились люди, вышедшие из самых разнообразных точек умственного горизонта – консерваторы-клерикалы, государственные абсолютисты и сторонники либерализма» (20).

Полагаю, что социализм (в варианте Бисмарка, а не Маркса или Ленина) исповедовался и российской бюрократией, о чем и народники и остальная оппозиция, и тем более советская историография, не упоминали. Бисмарковский вариант социализма был во многом чрезвычайно привлекателен и для тогдашней бюрократии, поскольку открывал принципиально новые возможности для усиления своей роли в стране.

В 1894 г. К.Ф. Головин так охарактеризовал идейное родство отечественных «социалистов кафедры» и «социалистов департамента»: «...ученые, даже просто чиновники, занятые социальным вопросом и более или менее носящие казенное клеймо, обнаруживают сильные поползновения к урезыванию поземельных прав. Наиболее опасные враги землевладения насчитываются не среди революционеров, а в числе таких деятелей, которых при-

крывает очевидная благонамеренность, их верность государственному началу.

В самом деле, нередко приходится выслушивать из очень чиновных уст, что целью аграрной политики должна быть национализация поземельной собственности. Лица, облеченные властью, с легким сердцем высказывают такие чисто социалистические взгляды, потому что поглощение личной собственности государством им кажется одним из пунктов той современной нам политической программы, которая поставила себе задачей усиление государственного вмешательства... С тех пор, как у нас был поднят вопрос о влиянии выкупной операции на крестьянское землевладение, в официальных сферах неоднократно высказывалось мнение, что выкупные платежи не должны вовсе подлежать погашению, а что их, напротив, следует обратить в постоянный налог, превращая таким образом крестьянские наделы в государственную собственность.

В истории нашего крестьянского землевладения такая мера была бы не новостью... В нашем чиновном мире едва ли трудно будет отыскать людей... сожалеющих о том времени, когда в Московском государстве за службу жаловали землю, но... эту землю и отбирали по усмотрению. На такой почве охотники до уфимского чернозема легко сходятся с борцами за идею национализации земли» (21).

Не одну диссертацию, полагаю, следует написать, чтобы раскрыть следующие слова В.И. Гурко, автора указа 9 ноября 1906 г.: «С этого дня (17 октября 1905 г. – М.Д.) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. Тот государственный социализм, который в течение долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц.

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то, несомненно, лишь теми же способами, которыми со временем, несомненно, станут на этот путь народы Западной Европы, а именно после высокого культурного развития преобладающего большинства всего населения. Такое развитие само собою приведет к организации сообществ на кооперативных началах» (22).

Очевидно, что под «политикой “государственного социализма” имеется в виду аграрная политика Александра III и Николая II, то, что называется патерналистскими контрреформами, многомиллионная правительственная продовольственная помощь и др. Данная мысль кажется неожиданной лишь на первый взгляд. С.Ю. Витте писал: «В последней половине прошлого столетия явился социализм во всех его видах и формах, который делает доволь-

но видные успехи в ближайшие десятилетия. Несомненно, что эта эволюция в сознании многих миллионов людей приносит положительную пользу, так как она заставляет правительства и общества обращать более внимания на нужды народных масс. Бисмарк явил явное тому доказательство» (23). Замечу, что пионером здесь выступила Англия, Бисмарк на этом поле дебютировал позже, но масштабнее в том смысле, что во многом парализовал революционный социализм на родине Лассаля и Маркса, отсутствовавший в Англии.

При введении рабочего законодательства Победоносцев упрекал С.Ю. Витте в социалистических начинаниях. А чего стоит брошенное Витте замечание о том, что «после проклятого 1 марта реакция окончательно взяла верх» и «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов» (24).

А что такое контрреформы как не попытка сохранить равенство крестьян в общине? Но ведь это и есть социализм! Из вышесказанного следует два вывода. Первый – затронутые проблемы настоятельно требуют дальнейшего изучения. Второй – желания императора освободить своих подданных недостаточно – нужно, чтобы они и сами хотели стать свободными. Причем предлог, под которым им хочется остаться в крепостнической системе ценностей, не очень важен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. – С. 25–26.
- (2) *Риттих.* Зависимость крестьян от общины и мира. – СПб., 1903. – С. 175–178.
- (3) См.: там же.
- (4) Там же. – С. 178.
- (5) Там же. – С. 178–179.
- (6) Там же.
- (7) Там же. – С. 176.
- (8) *Герье В.И.* Великая реформа 19-го февраля. – СПб., 1911. – С. 63–64.
- (9) Цит. по: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. – Париж, 1980. – С. 202–203.
- (10) *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 2: Рукописные заметки. – С. 40.
- (11) *П.Д.* Наша деревня. Крестьянская деревня. – М., 1900. – С. 282–284.
- (12) *Чичерин Б.Н.* Вопросы политики. – М., 1904. – С. 53–54, 56, 59.
- (13) *Герье В.И.* Второе раскрепощение. – М., 1911. – С. 16 и далее.
- (14) Там же. – С. 72–73.
- (15) Там же. – С. 72–74.
- (16) *Головин К.Ф.* Вне партии. – СПб., 1906. – С. 289.
- (17) *П.Д.* Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – М., 1904. – С. 291.

- (18) Архив князя Воронцова. – М., 1880. – Т. 17. – С. 5 (пер. с фр. С.А. Фокина).
(19) *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте... – С. 42.
(20) *Головин К.Ф.* Вне партий. Опыт политической психологии. – М., 1906. – С. 133–134.
(21) *Головин К.Ф.* Социализм как положительное учение. – СПб., 1894. – С. 186–187.
(22) *Гурко В.И.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. – СПб., 1906. – С. 38–39.
(23) *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте... – С. 39–41.
(24) Там же. – С. 42.

SERF THINKING OF RUSSIAN POST-REFORM SOCIETY AND LEVELING AND REEFFICIENT COMMUNITY (TO PROBLEM STATEMENT)

M.A. Davidov

Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Ave., 32, Moscow, Russia, 117218

The article attempt to answer a question why the post reform country community enjoyed solidary support of various and besides public forces hostile each other is made. The author considers that in a basis of this phenomenon the not overcome serf consciousness of the Russian society lay.

Key words: country community, serfdom, Russian society, Great reforms.